

Интересно, что за прибор способен извлечь первородную силу из ангельской крови? Селоя слегка покачал зажатый в ладони флакон. Жидкость внутри послушно отозвалась, пойдя едва заметной золотистой рябью. Мальчик задумчиво прикусил губу.

Стоило Селое ввалиться в камеру, как Нолан и остальные тут же бросились к нему. Ребята принялись суетливо осматривать его с ног до головы, выискивая свежие раны или ушибы. Поначалу Селоя вздрогнул от неожиданности и весь напряжился, но, узнав друзей, мгновенно обмяк и безропотно распластался на полу, позволяя беспрепятственно переворачивать себя с боку на бок.

Вэйга подполз поближе и с любопытством ткнул пальцем в стеклянный бок пузырька. Похоже, целебный порошок наконец-то подействовал — раны юного цзяожэня затянулись и покрылись плотной коркой. Из-за этого его рыбий хвост сейчас выглядел довольно неуклюже, но сам мальчик, кажется, ничуть не переживал: он легонько шевельнул плавником, выражая искреннюю радость.

— Эй, а что это у тебя? — неловко нарушил молчание Вэйга. — Я такого никогда не видел.

Селоя приоткрыл сонные глаза. Заботливые руки Нолана и остальных так приятно разминали его уставшие мышцы, что он едва не провалился в сон. Мальчик сонно мотнул головой и со вздохом заставил себя сесть. Странно: он ведь толком ничего не делал, но усталость навалилась такая, словно он весь день таскал камни.

Он потер кулачками глаза, забавно надул губы и, немного подумав, выдал объяснение:

— Ну... это такое зелье, которое очень полезно для созданий света.

Вэйга снова оживленно плеснул хвостом. На самом деле ответ Селой его не слишком интересовал — ему просто хотелось поговорить, и, убедившись, что друг настроен на беседу, цзяожэнь тут же затрещал без умолку.

Пошарив в кармане, он выудил еще один флакон и, не дав Селое как следует его рассмотреть, решительно пихнул мальчику под нос.

— Это тебе передали из соседней камеры. Сказали, тебе нужнее и это точно поможет.

Немного подумав, он добавил:

— По крайней мере, так ты точно выживешь на приеме через пару дней. Сам знаешь, наш тюремщик редко щадит свои драгоценные экспонаты, но к самым редким иногда проявляет каплю милосердия.

Селоя во все глаза уставился на флакон. Золотисто-алая жидкость внутри замерла, отливая

благородным блеском. Это была священная кровь рыцарей — чистейший концентрат их жизненной силы. Если вспомнить те багровые лужи, что он видел на полу в соседней камере, становилось жутко: чтобы собрать столько эссенции, палачам пришлось обескровить нескольких воинов. После такого они навсегда останутся калеками и никогда не смогут вернуть былую мощь.

— Но... зачем они отдали её мне? — Голос Селой дрогнул. Ему отчаянно не хотелось верить в происходящее. С тех пор как он очутился в Царстве демонов, на него обрушилось столько искреннего тепла и заботы, сколько он и представить не мог. Но осознание того, что ради его спасения другие обрекают себя на муки, невыносимо ранило душу.

Дианта легонько коснулась его плеча. Девочка отличалась редкой чуткостью и сразу уловила, как Селоя сжался, готовый уйти в себя от чувства вины. Принять столь дорогую цену за собственное спасение для него было невыносимо тяжело. Ласково улыбнувшись, она слегка ущипнула его за круглую щечку и тихо, успокаивающе произнесла:

— Они сделали это по доброй воле, глупенький. Мы все заперты в этой клетке, и единственный способ выжить — держаться вместе и помогать друг другу. Лучше расскажи, что ты там у них увидел?

Селоя крепче сжал флакон в разом вспотевших ладонях. На душе стало так тепло, что остатки страха и сомнений мгновенно улетучились. Посмотрев на заваленный лаз, ведущий в соседнюю камеру, он прикусил губу и решительно предложил:

— Давайте переберемся к ним. Мне кажется, они тоже должны знать, что происходит. Чует мое сердце, на этом приеме через пару дней начнется настоящий кошмар.

Юань озадаченно почесал затылок, взъерошив и без того лохматые волосы. Перед ними встала непростая задача: как объединить две камеры и при этом не попасться на глаза страже снаружи?

Заметив его замешательство, Селоя испуганно захлопал ресницами и принялся нервно перебирать пальцами подол рубахи. Он и сам понимал, что сморозил глупость. Любая неосторожность могла обернуться бедой для всех присутствующих. Внутренне ругая себя за излишнюю поспешность, он лихорадочно соображал, как бы половчее взять свои слова назад.

Куда там! Скрывать чувства малыш совершенно не умел. Друзья переглянулись и едва сдержали дружный смешок — вся гамма чувств, от жгучего стыда до робкой надежды, читалась на его лице так ясно, словно в раскрытой книге. Селоя забавно вздрагивал от малейшего шороха, выглядя в этот момент невероятно трогательно.

Юань весело отмахнулся, призывая его не паниковать. Он гордо выпятил грудь — останься у него хвост, тот наверняка сейчас победно ходил бы ходуном. Высокомерно хмыкнув, юный лис самодовольно заявил:

— Не держи нас за слабаков, Малыш Селоя! Раз уж нас сочли достойными личной коллекции Короля демонов, значит, мы чего-то да стоим!

Он молитвенно сложил ладони. В его руках затеплилось мягкое розовое свечение, постепенно сплетаясь в сложный магический узор.

Печать оказалась невероятно древней и запутанной. Было видно, с каким трудом Юаню дается каждое движение: лоб мальчика быстро покрылся крупными каплями пота. Задрав голову, Селоя с тревогой наблюдал за другом и в беспомощности тискал край своей туники, едва не раздавив несчастный флакон с кровью.

Заметив это, Нолан ловко выхватил у него стекло и бережно отставил в угол.

— Давай-ка я заберу, а то расплескаешь еще с перепугу, — негромко шепнул он. — Не переживай так, Юань знает, что делает.

Едва он договорил, как Юань глухо выдохнул.

Розовый узор мгновенно расширился, соскользнул на пол и в мгновение ока накрыл всю камеру невидимым куполом. Селоя осторожно коснулся светящейся линии пальцами — от нее исходил лишь едва уловимый, почти призрачный шлейф демонической энергии.

— Что это? — растерянно моргнул он, не понимая сути заклинания.

Юань тут же подскочил к нему, бесцеремонно сгреб его личико в ладони и шутливо потискал за щеки, залиvisto рассмеявшись:

— Мое секретное творение! Истинный лис никогда не забывает о своих корнях, а уж технику очарования мы обязаны заучивать до автоматизма!

Нолан помог подняться растянувшимся на полу друзьям, заботливо отряхнул их от пыли и со вздохом осадил хвастуна:

— Да знаем мы, знаем, какой ты у нас великий и ужасный девятихвостый лис. Хватит бахвальства, пошли скорее. Твой барьер долго не продержится, а если нас поймают, не поздоровится никому.

Дружная компания гурьбой протиснулась сквозь лаз в соседнюю камеру.

Дианта негромко хлопнула в ладоши. Прямо из сырых каменных плит послушно проросли пышные бутоны экзотических цветов. Их крупные сердцевины тут же вспыхнули мягким, теплым светом, разогнав вечный полумрак узилища.

Только теперь Селоя смог по-настоящему разглядеть томящихся здесь пленников. За долгие месяцы заточения воины исхудали до неузнаваемости: изнеможенные лица, ввалившиеся щеки, обтянутые кожей скулы. Но в глубине их глаз все еще горел неугасимый, яростный огонь, не оставлявший ни капли сомнения — вера этих людей осталась несломленной.

Один из мужчин слабо улыбнулся иссохшими губами. Его голос звучал тихо и надтреснуто:

— Зачем вы пришли, дети? Руны, что высечены на наших цепях, источают скверну. Она погубит вас, не стоит приходить сюда так часто.

Стоило ему заговорить, как по тяжелому распятию за его спиной пробежали зловещие багрово-черные искры. Пыточные кандалы отозвались новой вспышкой боли, и на пол из свежих ран закапала кровь. Остальные узники хранили угрюмое молчание, но в их глазах читалась та же тревога за незваных гостей.

Флаконы в руках Селои словно раскалились, обжигая пальцы. Преодолев минутную робость, он сделал решительный шаг вперед и заговорил:

— Послушайте... Деро шепнул мне, что на приеме через пару дней начнется заваруха. Демонам будет совсем не до нас. Это наш единственный шанс вырваться отсюда вместе!

Без преувеличения, при этих словах лица измученных воинов на миг просветлели, а в глазах вспыхнула безумная надежда. Но пламя угасло так же быстро, как и родилось.

Нолан сокрушенно вздохнул и после долгого колебания озвучил горькую правду:

— Даже если нам представится идеальный случай... у нас просто не хватит сил сбежать. Те части тел, что у нас вырезал Юлиси... это ведь не просто красивые безделушки для его коллекции. Они были нашими природными источниками магии, средоточием всей силы. Без них мы лишились колдовства и стали беспомощными калеками. А рыцари заперты здесь целую вечность. Их истязают день за днем без перерыва, они едва держатся на ногах от истощения.

Договорить он не смог. Малыши понуро опустили головы, уставившись в грязный пол. Они были еще совсем детьми, и каждому до боли хотелось на свободу. Осознавать, что драгоценный шанс ускользает сквозь пальцы, и признавать собственное бессилие было для них невыносимо горько.

Но Селоя не думал сдаваться. Он повернулся к израненным воинам, и его глаза засияли с такой неистойвой силой, словно он сам превратился в маленькое ласковое солнце, готовое растопить любой лед и прогнать любую тьму.

— Пожалуйста, поверьте мне! — горячо воскликнул он. — Скажите, как вы себя чувствуете? Если я верну вам вашу кровь... если мы возьмем её обратно, на сколько вы сможете

восстановиться?

Золотистые кудри мальчика вспыхнули в мягком свете бутонов нимбом. Он выглядел сущим ребенком — с наивным, круглым от детской припухлости лицом, с трогательно-детским голоском. Но то невероятное тепло, что струилось от него, дарило такое умиротворение, словно несчастные мученики вновь очутились в благословенных чертогах самого Создателя.

Суровые воины дрогнули. Светлая искра, затеплевшаяся в их намучившихся душах, вытеснила остатки сомнений. В этот миг ни у кого из них не осталось и тени подозрений относительно происхождения златовласого дитя: перед ними стоял истинный небесный посланник. Истинный ангел.

Они переглянулись, с трудом сглатывая слюну пересохшими горлами, и один за другим начали подавать голоса:

— От силы... четверть былой мощи. Процентов двадцать, может, тридцать.

— Из нас слишком долго цедили жизненные соки. Полностью исцелиться в этих застенках уже не суждено.

Один из драконьих рыцарей глухо добавил, непроизвольно косясь на сваленные в углу белеющие кости. В его голосе смешались щемящая тоска, скорбь и глухая, клокочущая ненависть:

— В бою мы привыкли полагаться на своих крылатых собратьев, но Юлиси безжалостно забил большинство наших драконов. Без ментальной связи с ними мы лишены половины своей силы. Впрочем, драконы некоторых из нас уцелели — во время нашей поимки они находились далеко отсюда. Если они услышат зов и смогут пробиться через барьеры, наш отряд станет грозной силой. А вот насчет того уцелевшего яйца... — Рыцарь нахмурился, кивнув на лежащий неподалеку скорлупчатый кокон. — Мы понятия не имеем, чей это детеныш. Вполне возможно, Юлиси подкинул его намеренно, расставив хитроумную ловушку. Нам нужно держать ухо востро.

Словно оскорбившись, драконье яйцо возмущенно покачнулось. С тихим стуком оно выкатилось из соломенного гнезда и целенаправленно покатилося прямо к Селое. Уткнувшись в его колено, оно ласково потерлось о мальчика, демонстрируя абсолютное дружелюбие и кротость.

Улыбнувшись, Селоя ласково погладил теплую, шершавую скорлупу. Затем он откупорил оба флакона — с драгоценной золотой кровью ангела и золотисто-алым эликсиром рыцарей — и слил жидкости воедино. Тщательно перемешав получившийся раствор, мальчик обвел решительным взглядом израненных узников и, не теряя ни секунды, принялся бережно смазывать их гноящиеся раны.

Когда дело было сделано, во флаконе осталось совсем на донышке. Покрутив пузырек на свету, Селоя без лишних раздумий вылил остатки на драконье яйцо, бережно растерев их по скорлупе. Себе он не оставил ни единой капли.

Один из воинов нахмурился, заметив это:

— А как же твои крылья, малютка?

Селоя смущенно опустил ресницы и смешно надул губы:

— Моим крыльям сейчас нельзя расти, иначе стражники сразу заметят неладное. Лучше прислушайтесь к себе. Ну как, есть изменения?

Узники послушно прикрыли глаза, погружаясь в собственные ощущения.

Первым ошарашенно ахнул Нолан:

— Ой... У меня там, где были крылья... раны начали ужасно чесаться!

Прямо у него на лопатках, на месте грубых уродливых шрамов, оставшихся после того, как безжалостный коллекционер срезал белоснежное оперение, с тихим шорохом проклюнулись крохотные, трогательные зачатки новых крыльев.

<http://bllate.org/book/20120/1998289>